
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

В. А. САВЧЕНКО

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВЗРЫВОВ

За последние 20 лет в мире произошло не менее 20 революций, итогом которых стала смена действующих правительств, в некоторых случаях сопровождаемая гражданской войной. Это сделало механизмы возникновения и развития революционного процесса одной из самых обсуждаемых тем в научном и журналистском сообществе. Исследователи рассматривают объективные и субъективные стороны этого явления, анализируют ситуацию в стране до революционных событий, в ходе и по окончании их. В статье обсуждаются основные векторы действий правительства и оппозиционных сил в борьбе за власть, факторы, приближающие и предотвращающие революцию.

Ключевые слова: протест, революция, насилие, радикальные социальные движения, социальный взрыв, борьба, гегемония, правительство, смена государственного строя, депривация, аномия.

Революцию подготавливают гении, осуществляют фанатики, а плодами ее пользуются проходимцы.

Отто фон Бисмарк

История термина «революция» насчитывает немногим более четырех столетий, хотя причины массовых беспорядков и политических переворотов волновали умы с древних времен. Предметом особенно интенсивного теоретического осмысления они стали в первой половине XIX века, после кровавых событий в Англии, Голландии, Франции и Северной Америке (Скочпол 2008).

Известно множество различных определений, но все они, помимо смены правительства, в той или иной мере включают пять компонентов: соотнесение настоящего с будущим; доминирование

коллективного начала и идеи социальной справедливости; построение нового общества на основе новой базовой культурной модели; подчеркивание возможности активного участия социальных групп в формировании нового социального и культурного порядка; универсалистская ориентация, отрицающая политические и национальные границы, но в то же время воспроизводящая социальный порядок в определенных границах. По мнению Ш. Эйзенштадта (1999), таков «чистый образ революции». С. Хантингтон (2004) охарактеризовал революцию как насильственное и фундаментальное изменение внутреннего положения страны, ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры и руководства с мобилизацией новых групп в политику и созданием новых политических институтов.

При решении вопроса об определении «революции» полезно обратиться к работе основателя теории конкурентной политики Ч. Тилли (2009). Он теоретически различает понятия «революционная ситуация» и «результаты революции». Революционная ситуация начинается тогда, когда государство, ранее подконтрольное одному центру, одной политической системе, становится объектом эффективных, конкурентных и взаимоисключающих требований контроля со стороны двух и более самостоятельных политических систем. Революционная ситуация завершается с восстановлением монопольного контроля над государством одной политической силы. Результатом революции становится смена правящих элит (членов политической системы). Для любой политической революции характерен набор из трех слагаемых: многовластие, борьба за власть, господство одного победителя в результате борьбы. По восстановлении полного контроля над страной после революции команда победителей «поляризуется», и самые активные участники ее нередко лишаются жизни. Известная фраза «Революция пожирает своих детей» приписывается разным деятелям Великой французской революции. В оригинале она звучит так: «Революция, как Сатурн, пожирает своих детей» (фр. *A l'exemple de Saturne, la révolution dévore ses enfants*).

Тилли предложил оригинальное графическое представление революции (рис. 1), позволяющее оценивать ее количественно и качественно. Крайний вариант развития революционной ситуации – Великая революция, при которой происходят полномасштабная смена членов существующей политической системы, зачастую их физическое уничтожение, и непреодолимый идеологический раскол в обществе с вооруженной борьбой между соперниками. Классическими

примерами служат Французская революция 1789 года и Октябрьская революция 1917 года в России. Идеологическая несовместимость старого и нового строя служит предпосылкой коренных преобразований в обществе, упразднения старых и создания новых институтов. Общество раскалывается на приверженцев старого и нового уклада, непримиримо враждующих между собой.

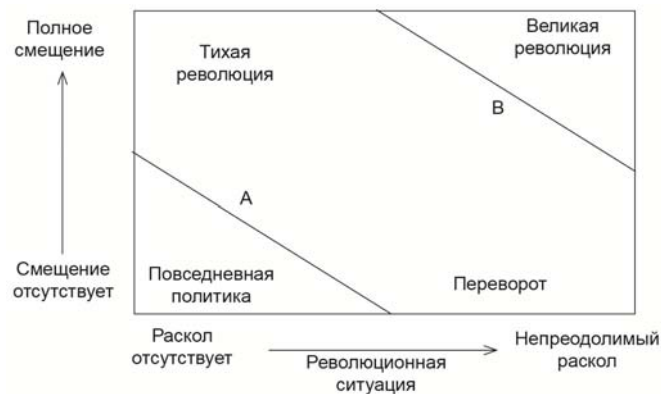

Рис. 1. Матрица «глубины» результатов революции

Источник: Tilly 1978.

Революции могут происходить и в благополучных обществах, в обществах с такими острыми проблемами, как бедность, коррупция, злоупотребления правящей верхушки и т. п. Для победы революции необходим целый ряд условий: новая идеология, информационные технологии, высокий процент образованного населения и определенный уровень урбанизации (Гринин 2017). Она становится ключевым моментом в истории любого государства и во многом определяет характер будущих эволюционных изменений. Революции не происходят одномоментно, иногда борьба занимает годы. Дату зачастую «назначают» постфактум и превращают ее в национальный праздник.

К середине XIX века обозначились две конкурирующие концепции, объясняющие причины возникновения революций. Все участники дискуссии признают наличие серьезного недовольства накануне у значительной доли населения. Но в чем причина этого недовольства? По мнению К. Маркса (1959), недовольство главным образом возникает из-за абсолютного и относительного обнищания населения, более не желающего терпеть угнетенное положение. Согласно теории исторического материализма, фундаментальная причина социальных революций – в углубляющемся противоречии

между развивающимися производительными силами и консервативными производственными отношениями. Основной тезис классиков марксизма в том, что прогрессирующая пролетаризация общества наконец достигнет критической точки, сделав восстание неотвратимым. Предварительное условие беспорядков не в деградации пролетариев, а в их экономическом положении: рабочие не желают пассивно наблюдать растущее благосостояние эксплуататоров, вследствие чего возникает социальная напряженность. По мнению большинства социалистов, именно экономический фактор становится определяющим при возникновении недовольства больших масс населения и формировании установки на свержение правительства.

Несколько ранее иную и во многом противоположную версию причин и механизмов революционного взрыва предложил А. де Токвиль: «Таким образом, французы нашли их положение более неподъемным, когда имели тенденции к улучшению. Революции не всегда вызваны постепенным снижением уровня от плохого к худшему. Страны, которые перенесли терпеливо и почти сознательно самое сильное подавление, восставали против ига в тот момент, когда начинал расти уровень благосостояния и свобод. Режим, который уничтожен революцией, всегда лучше по сравнению с его преемником» (Токвиль 2008: 108). Токвиль обратил внимание на то, что перед Великой французской революцией уровень жизни французских крестьян и ремесленников был самым высоким в Европе, а Северная Америка накануне первой в истории антиколониальной революции была самой богатой и процветающей колонией мира. Опираясь на такие примеры, он пришел к парадоксальному заключению: не бедность и беспросветное существование (как это кажется логичным и как любят представлять лояльные революции идеологи), а, напротив, экономическое процветание, провоцирующее растущие потребности, становится непосредственной причиной революций.

В 1960-х годах американский ученый Дж. Дэвис (1967) сопоставил модели Токвиля и Маркса с известными данными о революциях XX века, включая три русские революции, и пришел к выводу, что оба его великих предшественника были по-своему правы. Чтобы разобраться в этом противоречии, полезно выделить экономические, демографические, антропологические и культурные предпосылки. Их расположение в иерархии по убыванию или возрастанию значимости – тема отдельного исследования. Детально рассмотрим их.

Экономические предпосылки

Дэвис внес весомый вклад в вопрос о механизме образования протестного потенциала, он описал и показал графически момент возникновения такого коллективного недовольства большой доли населения страны (аномии), дал пояснение условий возникновения и возможные варианты развития событий. Анализу подверглись американская революция 1775 года, Великая французская революция 1789 года, русские революции 1917 года, египетская революция 1952 года и ряд революций меньшего масштаба. Было исследовано большое число протестных выступлений в разное время, в разных странах, при разных режимах правления, но имеющих главной предпосылкой продолжительный период экономического роста и устойчивое повышение уровня благосостояния граждан. В результате постоянный рост благосостояния становится «трендом», от которого очень трудно отказаться (рис. 2). В случае, когда власть становится неспособной удовлетворять неуклонно растущие потребности и ожидания, у значительной части населения усиливаются настроения неудовлетворенности и состояние фрустрации. Все рассматриваемые Дж. Дэвисом революции произошли при экономическом спаде после продолжительного периода экономического подъема, который в обязательном порядке отражался на уровне благосостояния населения.

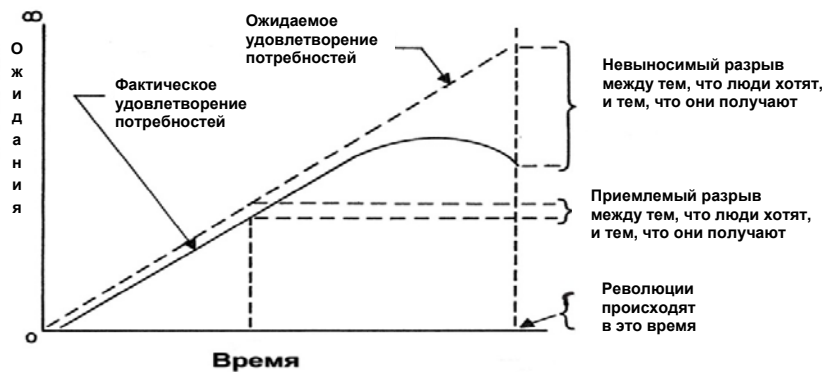

Рис. 2. Возникновение революций при объективном отрыве фактического удовлетворения от ожидаемого

Источник: Дэвис 1967: 12.

Последующие эмпирические исследования (с использованием анкет и фокусированных групповых интервью) обнаружили также

парадоксальный психологический эффект, названный ретроспективной аберрацией. Поскольку массовое сознание воспринимает динамику экономических и прочих тенденций (вертикальная мобильность, политические свободы) через призму растущих потребностей и ожиданий, объективно благоприятные процессы часто сопровождаются усиливающейся неудовлетворенностью (Назаретян 2009). Этот эффект отчасти объясняет возникновение революций в странах, где уровень жизни народа достаточно высок, а показатели угнетения и нищеты сравнительно слабо выражены. Впрочем, практика свидетельствует, что крайняя бедность (с точки зрения внешнего наблюдателя) не провоцирует массового протеста, скорее, люди принимают ситуацию с тихой безысходностью, весьма смиренно.

Важный вклад в понимание того, как формируется протестный потенциал отдельного индивида, внес Р. Мертон. Революция рассматривалась им как ситуация, когда значительная часть населения страны переживает особое чувство разрыва между целями и способами их достижения, когда поставленные цели либо недостижимы законными средствами, либо вероятность их достижения очень мала: «Требования общества, предъявляемые к лицу в подобном случае, несовместимы между собой» (Мертон 1966: 88). Схожая ситуация возникает и в наши дни, когда телевизионная реклама рекомендует сменить автомобиль на более новую модель, а возможности такой нет и не предвидится в ближайшей перспективе. Таким образом, культурная среда служит мощным фактором формирования протестного потенциала («эффект зеркала»). Данная ситуация более характерна для общества потребления наших дней. Опираясь на теорию аномии Э. Дюркгейма, Мертон отчасти объясняет коллективные действия больших групп при невозможности законными средствами удовлетворить все потребности, которые во многом сформированы культурной средой. В обществе, где материальный успех служит мерилом человека, у отдельного индивида очень легко вызвать чувство аномии примером более успешных в этом плане людей. Оппозиционные СМИ (а сегодня без их активного участия не обходится ни одна революция) первым делом создают «эталон» того, что могло бы быть при более высокой степени участия элиты в жизни простых людей.

Действующему правительству также стоит обратить внимание на культурную среду, которая и при достаточном уровне благосостояния способна создавать чувство аномии (Гарр 2005: 89). Эту

ситуацию Т. Гарр описал, используя вместо аномии термин «депривация». Момент зарождения серьезного недовольства и начало протестных движений на оси времени также можно представить графически (рис. 3). В относительно спокойное и благополучное время СМИ могут вызвать чувство аномии и депривации даже у очень успешных людей, рекламируя недостижимые для них вещи как символ успеха. Уровень благосостояния стабилен, тогда как ожидания (субъективная оценка того, что нужно иметь на данный момент) возрастают. У части индивидов под воздействием потребительской культуры формируется устойчивое стремление постоянно повышать уровень потребления товаров и услуг, но экономическое положение в стране этого не позволяет. Таким образом, революция во многом становится продуктом растущих ожиданий удовлетворения экономических запросов, а идеология общества потребления в значительной степени способствует росту этих ожиданий.

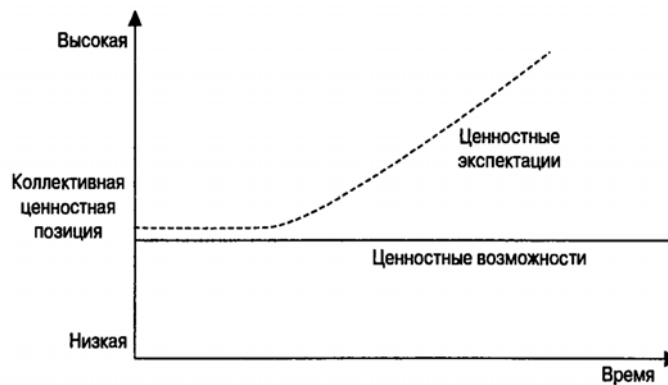

Рис. 3. Возникновение протестного потенциала, который может перейти в революцию при возрастающих ожиданиях и стабильных возможностях (наиболее характерно для общества потребления)

Источник: Гарр 2005: 89.

Демографическая предпосылка

Для более полного понимания следует анализировать возникновение и развитие факторов, способствующих революции, в совокупности с динамикой роста населения. Важный момент в теории Дж. Голдстоуна (Goldstone 2003) – так называемый «молодежный бугор», высокий процент незанятой молодежи на момент начала революции вследствие высокой рождаемости и низкой детской

смертности за предыдущие 20–30 лет. Высока доля «пехоты» революции!

Голдстоун рассматривает демографические сдвиги как одну из главных структурных причин революций. Кумулятивный эффект роста населения оказывает негативное влияние на общественные институты как на фундамент общества. Из-за демографических сдвигов нагрузка на экономику растет. Именно молодые люди около студенческих лет, которые не видят себе достойного применения в сложившихся условиях, принимают самое активное участие в противостоянии с органами правопорядка. Особенность данной демографической группы в том, что она сравнительно легко поддается «уравнительным» идеологиям, призывам к неповиновению и радикальным действиям. Молодежь всегда становилась самой активной частью населения в деле изгнания не справившегося с вызовами своего времени правителя. Пропаганда и агитация выйти на баррикады формируются специально под уровень сознания 18–25-летних. Именно для них складывается образ революционера как борца с несправедливостью и угнетением, за лучшую жизнь.

Силы правопорядка часто тоже подвергаются революционной пропаганде, некоторые из силовиков даже испытывают нечто вроде симпатии к протестующим. Процент сочувствующих определяет степень монолитности фронта борьбы с протестом и момент перелома в самой активной фазе противостояния. Еще одной демографической предпосылкой протестного потенциала, и это особо стоит подчеркнуть, становится недовольство элитарных групп. Одним из важнейших показателей «здоровья» общества служит уровень имущественной дифференциации, а при активном росте населения правительство непременно принимает меры для более равномерного распределения ресурсов, в некоторой степени ограничивая элиты и претендующих получить статус представителя элитарной группы. Количество элитарных отпрысков также растет, наследство уже не может обеспечить достойное существование на протяжении длительного периода. Среди элит начинается борьба за власть как источник дальнейшего обогащения.

Исследователь революций Э. Э. Шульц (2004) доказывает жесткую взаимосвязь протестного потенциала с приростом населения страны и всевозможных благ для населения. Прирост населения в последнее время значительно опережает ожидаемый прирост благ, и с течением времени разрыв только увеличивается. При определенном уровне разрыва возникает протестный потенциал.

Революции совершают молодые люди, ожидания которых не оправдались по ряду причин. Свойственные молодежи ожидания увеличения благосостояния играют негативную роль для государства в условиях экономических трудностей.

На протяжении всей истории человечества именно молодежь оказывалась той ключевой силой, которая предопределяла исход противостояния. Так, египетская революция 2011 года произошла, по мнению ряда исследователей, из-за высокой доли безработной молодежи с высшим образованием, ожидания которой на лучшую жизнь с дипломом не оправдались (Коротаев, Зинькина 2011). За все время правления Х. Мубарака динамика роста экономики составляла минимум 4 % в год, существовало немало программ социальной поддержки населения, включая субсидии на продовольствие, медицину и образование. На момент начала революции Египет находился на передовых позициях по ключевым показателям в своем регионе. Детальное рассмотрение предреволюционной ситуации выявило наличие «эффекта бумеранга» от собственных успехов. Примерно за 20–25 лет до этих событий были предприняты успешные меры по снижению детской смертности и увеличению рождаемости. За 20 с лишним лет население страны увеличилось вдвое, в том числе доля молодежи в 2011 году составляла около 12 % – очень высокий показатель. Ситуацию усугубил факт наличия высшего образования у 43 % безработной молодежи. Правительство Египта не оценило угрозу от сочетания двух накладывающихся друг на друга «бугров» – процента молодежи и количества дипломов у этой безработной молодежи, совпавших в один непродолжительный период времени.

Растущие ожидания улучшения благосостояния в обществе, где наблюдается увеличение количества индивидов, претендующих на изменение своего статусного положения, наталкиваются на ряд противоречий, способных повысить вероятность революции.

Антропологические предпосылки

Касаясь психологического фактора возникновения революций, элитолог Г. Моска (1994) проводит параллели с животным миром. В природе часто встречаются ситуации деления прежде однородного стада животных на два лагеря и довольно серьезная вражда впоследствии. Дальнейшие исследования, проведенные на стадных животных, подтвердили гипотезу о стремлении к поляризации. Вместе с тем зоопсихологами выявлено наличие особых зон в го-

ловном мозге, отвечающих за агрессию в отношении представителей своего вида (Лоренц 1994). И чем выше уровень развития, тем эффективнее инструментарий привлечения сторонников в свой лагерь для борьбы с лагерем враждебным.

При этом существует особая эмоциональная связь между членами одной группы, преданность и самоотверженность в борьбе. Антропологи в архаичной культуре охотников-собирателей довольно часто наблюдают эффект переориентации агрессии молодежи на соседнее племя. Пока молодежь занята межплеменными конфликтами, сохраняется относительная стабильность внутри племени (Савчук 2001). Многочисленные исследования социальной агрессии демонстрируют, что образ общего врага испокон веков служил основным фактором групповой консолидации (Назаретян 2018).

В данной части статьи необходимо коснуться и так называемого палингенетического мифа – глубоко укорененной в человеческой психике потребности качественно нового начала, коренного перерождения после длительного периода упадка (Соловей 2016). С этих позиций ключевыми моментами революций выступают протестные действия небольшой активной части населения, способной повести за собой на баррикады людские массы. Активное меньшинство, с его смутной неудовлетворенностью и сильным желанием прорваться через покровы обыденности, играет решающую роль. Революция для них – единственное средство стать частью истории, вырваться из оков повседневных бытовых забот. На данный момент существует немало исследований идеологической общности, возникшей на основе иррационального консенсуса. Рассмотрены проблемы возможного спонтанного формирования сообщества веры в условиях общего смыслового кризиса путем проецирования народных чаяний на какое-либо движение, которое ставит текущему кризису всеобъемлющий диагноз и в качестве панацеи от всех бед предлагает совершение революции. В результате возникает палингенетическое политическое сообщество, характеризующееся мощными коллективными иллюзиями сверхличностного единства цели. При объективном рассмотрении становится очевидно, что единство цели устраняет социальные и идеологические антагонизмы сообщества (Гриффин 2006). Иррациональным это движение является отчасти из-за понимания, что даже в случае победы в революционном движении победителям невозможно создать уклад, который лучше разрушенного. Опора палингенетиче-

ского политического сообщества на довлеющие мировые идеологии носит обязательный характер. Революционеры за образцами постреволюционного устройства в обязательном порядке обращаются к странам, где революция произошла и через продолжительный промежуток времени стал заметен положительный эффект. Этот продолжительный промежуток времени ранее всегда оказывался гораздо больше периода жизни революционеров.

Рассматривая антропологические предпосылки, упоминают и эволюционно сложившиеся процессы мышления, которые в ряде случаев могут значительно повлиять на зарождение и ход революционного процесса. В последнее время в области когнитивной психологии сделаны открытия, позволяющие оценить процесс принятия решения в условиях неопределенности. Революционный процесс как раз есть такой процесс, в котором обилие противоположной информации порождает ситуацию значительной неопределенности в выборе дальнейших стратегий поведения и предпочтений отдельного индивида. Остаться в стороне, не принимая никакого участия в революционных событиях, или примкнуть к одному из борющихся лагерей – этот выбор во многом определяет качество и интенсивность пропаганды. Открытые эффекты «эвристики доступности», «эвристики репрезентативности» и «якорения» – мощные средства привлечения сторонников. Эвристика доступности – интуитивный процесс, в котором человек оценивает частоту или возможность события по легкости, с которой примеры или случаи приходят на ум, т. е. легче вспоминаются. При подобной оценке человек полагается на ограниченное количество примеров или случаев. Это упрощает комплексную задачу оценки вероятности и прогнозирования значимости события до простых суждений, основанных на собственных воспоминаниях, поэтому такой процесс является необъективным. В революционной пропаганде для повышения вероятности принятия нужного решения объектом манипуляции необходимо сделать так, чтобы у него в памяти были нужные «примеры», которые выйдут на поверхность при нужных вопросах. Так, на вопрос: «Коррупцировано ли свергаемое правительство?» – большинство объектов манипуляции ответят утвердительно, если за пару дней через СМИ ознакомить их с вымышленными или реальными фактами коррупции. Репрезентативность – соответствие характеристик выборки характеристикам популяции или генеральной совокупности в целом. Она определяет, насколько возможно обобщать результаты исследования с привлечением

определенной выборки на всю генеральную совокупность, из которой она была собрана. Также репрезентативность можно определить как свойство выборочной совокупности представлять параметры генеральной совокупности, значимые с точки зрения задач исследования. В революционной пропаганде дискредитированные в чем-либо члены правящих элит собираются в выборки, и это представляется оппозицией как «генеральная совокупность».

Объект манипуляции с большой долей вероятности начнет оценивать весь правящий режим как обладающий качествами дискредитированной выборки. Изменение общественного мнения с помощью эффекта «якорения» заключается в том, что, задавая вопросы с указанием какой-либо «цифры-якоря» объектам манипуляции, склоняешь их к ответу, который будет содержать цифру, близкую к «якорю». Например, на вопрос о количестве чернокожих среди членов ООН – более или менее 20 % – респондент склонен назвать число, близкое к 20, которое содержится в вопросе. Отсюда и хитрые манипулятивные ходы типа: сколько украд мэр города – более или менее 80 % от бюджета? Задавая подобные вопросы, не воспринимаемые обыденным сознанием как пропагандистские, возможно значительно повысить степень недоверия к правительству.

Применяя эти три эффекта, можно существенно «конвертировать» общественное мнение и привести к радикальным протестам (Канеман 2014). Впечатления и чувства, которые служат главным источником убеждений и сознательных выборов, есть главные акторы революционной борьбы. Одержав победу над эмоциями, манипулятор завладеет симпатиями общественности. Следует также упомянуть, что с антропологической точки зрения данные эффекты помогали нашим далеким предкам избежать многих бед, но с переходом к новому укладу с всевластием информационных технологий ситуация кардинально изменилась не в пользу самого человека. Отсутствием знаний в области когнитивной психологии объясняется удивительная доверчивость индивидов с высоким образовательным уровнем. Так, в сети создателей МММ попало очень большое количество представителей научно-технической элиты государства.

Вполне разумно будет антропологические предпосылки разделить на два направления: 1) когда протестное поведение действительно вызвано подавлением базовых инстинктов и рефлексов – собственного, полового, импульса к соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта; извращением религиозных, моральных, эстетических и других приобретенных

форм поведения (бихевиористская теория); 2) основанные на мнимом подавлении, когда под влиянием информационного воздействия объекты манипуляции начали воспринимать ситуацию как крайнюю несправедливость (теория относительной депривации).

Культурные предпосылки

Важный вклад в общую картину возникновения революций внес итальянский коммунист А. Грамши, развивая идею Маркса (1959) об отставании производственных отношений от производительных сил: поскольку владельцы средств производства оставляют львиную долю прибыли себе, а не вкладывают в социальную сферу, при возникновении значительного финансового отрыва капиталистов от пролетариата неминуемо произойдет революция. Грамши (1991), разрабатывая учение о культурной гегемонии, ввел понятие «культурное ядро». Культурной гегемонией, по Грамши, называется ситуация, при которой достигнут некоторый уровень согласия народа и власти (в том числе и относительно приемлемого разрыва между производительными силами и производственными отношениями), граждане активно желают того, что требуется правительству. По Грамши, «государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добываясь при этом активного согласия руководимых» (Там же: 154).

Согласие служит цементирующей основой сильного государства, его добиваются посредством СМИ, образовательных и воспитательных институтов, и это особо следует подчеркнуть в эпоху информационных технологий, когда средства массовой информации не в полной мере принадлежат тому государству, в котором функционируют. Под лозунгами свободы слова ведется подрывная работа по размыванию согласия между властью и народом, что неминуемо повысит вероятность возникновения массовых беспорядков. В предреволюционный период неподконтрольные правительству СМИ, словами В. Высоцкого, говорят: «Нет, ребята, все не так. Все не так, ребята».

Используется весь набор пропагандистских инструментов, в неблагоприятном свете трактуется внешняя и внутренняя политика. Демонстрируя недостижимые материальные блага, оппозиционеры убеждают людей в неспособности обеспечить желаемый уровень благосостояния по причине коррумпированности и слабости, искажают историю в целях демотивации приверженцев правительства,

которому якобы безразлична судьба народа. Одновременно с этим особо акцентируется внимание на лидерах оппозиции, не упускается возможность возвеличить их. Проводится атака на мнения и настроения людей. Большой вопрос, являются ли лидеры оппозиции ставленниками иностранных правительств, или помощь оказывается в расчете на временную дезинтеграцию предреволюционного государства, что обеспечит конкурентные преимущества в борьбе за доминирование. Так, во время Русско-японской войны 1905 года протестные движения в России вынудили царя признать себя побежденной стороной, когда военная победа была практически обеспечена (Стариков 2006).

При детальном рассмотрении культурной предпосылки уровень согласия власти и граждан играет весьма значимую роль. У граждан имеется потребность действовать в одном ключе с правительством, подконтрольные СМИ действуют в целях укрепления гегемонии власти, неподконтрольные и принадлежащие в какой-то степени иностранному заинтересованному центру прилагают усилия в деле разрушения гегемонии правителя. В ситуации, когда улучшения жизненного уровня не предвидится в силу экономических трудностей государства, неподконтрольные СМИ продолжительное время могут формировать ситуацию растущих ожиданий и при определенном разрыве ожиданий и возможностей (см. выше рис. 3) уменьшится уровень согласия между властью и народом и увеличится вероятность революции.

Учитывая моменты, рассмотренные в разделе об антропологических предпосылках, обладающий СМИ субъект политики может снизить уровень согласия народа и правителя даже в изменяющейся в лучшую сторону обстановке.

Структурные предпосылки

В совокупности подходов к исследованию революций стоит выделить тот, согласно которому главные предпосылки политических революций заключены в несоответствии социальных институтов потребностям эпохи. Т. Скочпол, работая в марксистской парадигме, создала структуралистскую теорию возникновения революций. В ее определении государство – это «совокупность административных, полицейских и военных организаций, возглавляемая и в большей или меньшей степени координируемая исполнительной властью», а революция – быстрые базовые изменения классовых структур, сопровождающиеся и отчасти стимулируемые восстани-

ями снизу (Скочпол 2008: 87). Автор отчетливо отделяет социальные революции от бунтов, мятежей, переворотов ввиду отсутствия в них быстрых структурно-социальных изменений, сопряженных с насилием. Рассмотрены социальные отношения в зависимости от экономических отношений, изменение классовых структур и трансформации с наступлением эпохи капитализма и образованием международных институтов под влиянием научно-технического прогресса. Отмечены коренные изменения в обществе при смене общественно-экономической формации.

Революция рассматривается в точках пересечения международных процессов с классово структурированными экономиками и политически организованными интересами. Корни революций – в классовой структуре общества и международно-историческом контексте. При ближайшем рассмотрении все великие революции имеют одну схожую черту: в ключевой момент наблюдаются паралич административного и военного аппарата государства, сильные низовые движения и необычайная активность той части маргинальных элит, которые прежде не претендовали в ближайшей перспективе на власть. Паралич обусловлен длительным и углубляющимся отрывом производительных сил от производственных отношений, при котором существующий строй шаг за шагом теряет легитимность, смещается лояльность как элит, так и простого народа. Потеря легитимности происходит из-за серьезной имущественной, статусной и правовой дифференциации в обществе, когда владельцы средств производства практически все более концентрируют в своих руках власть и деньги, не заботясь о социальной сфере рабочих и фискальной системе государства.

Еще одним немаловажным фактором служит международная обстановка: это могут быть не вполне удачные военные кампании, обострение ситуации со срывом планов давно назревших реформ, модернизации ключевых сфер государства. Достаточно случаев с запретом со стороны более могущественных государств правительствам, находящимся на острие революционного процесса, применять силу против протестующих под предлогом недемократичности и т. д., что вызывает полный паралич органов правопорядка и дает новые стимулы протестующим (Коротаяев, Зинькина 2011).

В аграрных государствах немаловажную роль играют социальные протесты на селе, которые часто провоцируются институциональным отчуждением крестьянства от касты землевладельцев наряду с чисто потребительским характером отношений между ними (Moore 1967). Скочпол, рассмотрев революции в аграрных стра-

нах, приходит к выводу о прямых предпосылках революций из-за двойной эксплуатации земледельцев государством, с одной стороны, и собственником земель – с другой. Причем в среде крестьян есть институты коллективной солидарности, особая сплоченность, свои неформальные лидеры. Со стороны землевладельцев нет прямого контроля над трудовой деятельностью и досугом крестьян, зато имеется централизованный бюрократический аппарат, не способный запретами и директивами изменить существующее положение вещей (Skocpol 1979).

В последние десятилетия появился еще один фактор революции – ускоряющийся процесс глобализации. Один из негативных факторов – установление единых поведенческих стереотипов, культурных ценностей и норм, деформация социальных институтов по подобию существующих в наиболее развитых странах – локомотивах глобализации. Исследователь процессов глобализации А. Н. Чумаков (2015) указывает, что охват развивающихся стран интеграционными процессами становится структурным фактором противодействия становлению единой цивилизации. Так, иранская революция 1970-х годов стала ответной реакцией на слишком быстрые изменения социальных институтов по западному образцу, внедрение системы образования, образа жизни, демократических и либеральных принципов. Фактически влияние глобализации было отторгнуто значительной частью населения. Примерно с этого момента начат отсчет истории исламского фундаментализма и борьбы против насильственного насаждения унифицированных правил по западному образцу. Наиболее активное участие в революционных событиях приняли шииты, которые представляют подавляющее большинство и наиболее трепетно относятся к соблюдению обычаев предков. Уместно рассматривать эту революцию как процесс сопротивления западной и социалистической глобализации. Для данного явления даже существует специальное понятие «обратная глобализация» – течение снизу вверх, со стороны периферии в центр (Гидденс 1999). Глобализация сверху, со стороны одного из центров силы, рассматривалась значительной частью населения Ирана исключительно как попытка установления полной гегемонии могущественных соседей, как новая форма неокOLONиализма, закабаления, насильственное разрушение веками складывавшихся устоев.

Структуралистский подход имеет ценный прогностический потенциал в динамично развивающихся обществах с интенсивным процессом изменения способов и форм хозяйствования, трансформацией структуры общества, преобразованием социальных

институтов в эпоху технического прогресса. Революции в быстроменяющемся обществе действительно возможны из-за отставания производственных отношений от производительных сил и в противоположном случае, как в Иране. К. Маркс определял отставание производственных отношений от производительных сил как объективный процесс, революции возникают по причине сильного отрыва этих переменных на шкале времени, ситуация принудительного насаждения особых производственных отношений без соответствующих производительных сил никогда не рассматривалась как невозможная на тот момент. Она стала возможной только с переходом на особую ступень глобализации и, как видим, имеет некоторые негативные последствия. Накануне революции Иран заимствовал у капиталистического мира модель построения общества, пытался переделать социальные институты на иной манер, без учета того, что производственные отношения сложились на Западе эволюционным путем, отставая и подстраиваясь под объективное производственное и технологическое могущество. В случае опережения производственными отношениями производительных сил вносится дополнительная субъективная компонента, которая может играть негативную роль и вызывать отторжение у значительной части общества (Ильин 2013).

В рамках структурного аспекта следует особо выделить закон техно-гуманитарного баланса, который описывает механизм обострения и временного преодоления антропогенных кризисов. Он отображает зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью социальной системы. Чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества (Назаретян 2017). Насаждение извне культурных регуляторов западного мира без соответствующего уровня технологического развития (как это было в Иране перед революцией) «не нашло понимания» у ретроградно настроенной части населения.

Элитарные предпосылки

При рассмотрении ряда недавних революций на постсоветском пространстве и в мире возникает вопрос: а где переломный момент, после которого прежний правитель уже не в состоянии действовать? Многие исследователи сходятся во мнении, что этим моментом служит отказ силового аппарата выполнять свои функции. Он

во многом обусловлен отказом самих правителей и элит государства бороться за свои позиции, потерей чувства самосохранения.

В ситуации активных революционных действий элитам необходимо сплотиться перед лицом надвигающейся опасности, но они оказываются не готовыми к тому, чтобы поддержать власть, при которой только и могут оставаться элитами. Они и сами либо открыто выражают недовольство, либо прямо агитируют против власти, а зачастую оказывают моральную и материальную поддержку революционерам. Как показывает практика, послереволюционный террор немилостиво обходится с ними. Так, накануне февраля 1917 года большинство командующих фронтами поддержали революцию, рекомендовали императору отречься от престола. Почему-то их надежды на отречение были связаны с активизацией боевых действий и скорейшей победой (Гринин 2017). Николай II сам не проявил большой воли к власти, отрекся от престола, никто из царской династии не решался возглавить борьбу за трон.

Советские коммунистические элиты в 1991 и 1992 годах дали разрушить СССР без значительного сопротивления. Потеря воли к власти и чувства самосохранения представителями правящих элит – неперемный источник поражений не только в России, но и во всем мире. Например, в 1789 году в революционной Франции многие представители дворянства и духовенства добровольно перешли в низшие сословия, чтобы составить революционное большинство, за что впоследствии поплатились всеми привилегиями. Потеря воли характерна для элит не только в революционные моменты. Беспомощные военные элиты без сопротивления сдали Францию Гитлеру в 1939–1940 годах. И это после блестящих побед в Первой мировой войне. Вопрос о причинах малодушия и установках на слияние с низшими сословиями в предреволюционные годы – предмет широких дискуссий. Но возможно предположить и следующие: изнеженность, гуманизация отношений в рамках самой элиты, иностранное гуманистическое влияние, мягкий режим накануне революционных событий, перепроизводство элиты при одновременных установках на прием в элитарный круг одаренных выходцев из низлежащих страт, длительная критика правительства и влияние идеологии на все слои общества, а не только на обездоленных.

* * *

Обобщая перечисленные предпосылки, приходим к выводу, что вероятность социальной революции максимально высока, когда растущие ожидания и высокая доля молодежи в демографической

структуре дополняются недостаточным или не совсем умелым пиар-сопровождением политики властей в противовес провокационной работе внутренней и внешней оппозиции.

Литература

- Гарр, Т.** 2005. *Почему люди бунтуют*. СПб.: Питер.
- Гидденс, Э.** 1999. *Социология*. М.: URSS.
- Граммши, А.** 1991. *Тюремные тетради*. Ч. 1. М.: Политиздат.
- Гринин, Л. Е.** 2017. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд. *Историческая психология и социология истории* 2: 5–42.
- Гриффин, Р.** 2006. Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе. *Вопросы философии* 12: 51–63.
- Дэвис, Д.** 1967. К теории революции. *Американское социологическое обозрение* 27(1): 5–12.
- Ильин, В. Н.** 2013. *Алгоритмический маятник истории*. М.: URSS.
- Канеман, Д.** 2014. *Думай медленно... решай быстро*. М.: АСТ.
- Коротчаев, А. В., Зинькина, Ю. В.** 2011. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Лоренц, К.** 1994. *Агрессия (Так называемое «зло»)*. М.: Прогресс.
- Маркс, К.** 1959. К критике политической экономии. Предисловие. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Собр. соч.* 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат, с. 216–228.
- Мертон, Р.** 1966. Социальная структура и аномия. В: Никифоров, Б. С. (ред.), *Социология преступности (Современные буржуазные теории)*. М.: Прогресс, с. 229–313.
- Моска, Г.** 1994. Правящий класс. *Социологические исследования* 12: 97–117.
- Назаретян, А. П.**
2009. Виртуализация социального насилия: знамение эпохи? *Историческая психология и социология истории* 2(2): 150–170.
2017. *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология в глобальном прогнозировании*. М.: Аргатак-Медиа.
2018. *Глобальное прогнозирование в свете Мегаистории и синергетики. Очерки истории будущего*. М.: ИВ РАН.
- Савчук, В. В.** 2001. Насилие и цивилизация комфорта. В: Тишков, В. А., Бочаров, В. В. (ред.), *Антропология насилия*. СПб.: Наука, с. 476–496.
- Скочпол, Т.** 2008. *О революции*. М.: Прогресс.

- Соловей, В. Д.** 2016. *Основы революционной борьбы в современную эпоху*. М.: Эксмо.
- Стариков, Н. В.** 2006. *Кто убил Российскую империю?* М.: Эксмо.
- Тилли, Ч.** 2009. *Принуждение, капитал и европейские государства*. М.: Территория будущего.
- Токвиль, А.** 2008. *Старый порядок и революция*. СПб.: Алетейя.
- Чумаков, А. Н.**
2009. Глобализация и космополитизм в контексте современности. *Вопросы философии* 1: 32–39.
2015. Культурно-цивилизационные разломы современного мира. *Век глобализации* 2(16): 35–47.
- Хантингтон, С.** 2004. *Социальный порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Эйзенштадт, Ш.** 1999. *Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс.
- Шульц, Э. Э.** 2004. Причины возникновения радикальных форм социального протеста (историографический обзор). *Вестник МГУ. Серия «Политология»* 2: 98–112.
- Goldstone, J. A.** 2003. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.
- Moore, B. Jr.** 1967. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.
- Skocpol, T.** 1979. State and Revolution: Old Regimes and Revolutionary Crises in France, Russia, and China. *Theory and Society* 7(1): 189–204.
- Tilly, C.** 1978. *From Mobilization to Revolution*. Addison: Wesley.